

Беседа с **Игорем Стефановичем Головниным**, лауреатом Ленинской и Государственных премий СССР, доктором технических наук, профессором, академиком Международной академии Высшей школы, заслуженным деятелем науки РФ, состоявшаяся в лаборатории электрофизического неразрушающего контроля кафедры 18, осенью 2010 года. Беседу вел Сурин Виталий Иванович.

В.И. (здесь и далее курсивом):

- Игорь Стефанович, мы хотели бы услышать от Вас как Вы пришли в МИФИ, кто вместе с Вами учился, кто Вам преподавал и многое другое. Например, Вы Кульбаха Анатолия Адриановича знали, он ведь тоже в это время учился?

-Ну конечно.

-Он раньше вас заканчивал МИФИ?

-Кульбах учился с 42 года, когда был создан московский механический государственный институт. Я Кульбаха знал с 44 года, когда еще не был студентом, но и не только Кульбаха, а еще и Лакина. Вот я не помню был ли Юрий Владимирович тогда или нет? Ю.В. , наверное, нет...(имеется в виду Юрий Владимирович Милосердин, заведующий кафедрой 18 с начала 60-х до 1986 года).

-Безменова помните? Это был тоже наш заведующий кафедрой.

-Вроде бы да, помню.

-Вот, Игорь Стефанович, посмотрите. У нас есть такая фотография. Это мне Кульбах подарил.

-Ой, мне их тут и не узнать, они все молодые.

-Эта фотография выпускников 50-го года, а вы 48-го. Лакин Юрий Георгиевич подарил эту фотографию Кульбаху. Левитана помните? Что он читал вам?

-Это очень трудно себе представить. Они были студентами когда я уже почти кончал институт. Очень трудно вспомнить. Эти лица я помню хорошо, правда я никак не могу Каскину фамилию вспомнить. Ее Басов соблазнил еще в институте и она стала Басовой.

-Это тот Нобелевский лауреат - Басов, да?

-Да, этот Басов, самый высокий. У меня еще одна фотография была, через 20 лет после окончания.

-А вы похожи на себя, с усиками. Вы так всю жизнь с усиками ходите?

-Когда моей дочке было года 4 однажды моя тетя переодевала ей штанишки и Инна, моя дочка, изумленно воскликнула: «Бабушка, это что у тебя усики?» Улыбается.

- Я поступал в МИФИ в 45-ом году на факультет точной механики, а в 46-ом образовался физический факультет.

-Сколько тогда было факультетов?

-Было три факультета: факультет точной механики, технологический факультет и конструкторский факультет. Технологический факультет, он потом преобразовался. А конструкторский факультет целиком перешел в Бауманский институт. Передали его году в 46-ом.

-*Что представлял собой технологический факультет?*

-Предварительно это был факультет боеприпасов.

- *Был факультет точной механики, да?*

-Это взрыватели и детонаторы.

-*А почему вы выбрали точную механику?*

-Дело в том что в школе я 10 класс не закончил. Перед войной меня забрали в трудовые резервы, после семилетки. Трудовые резервы – это токари, пекари, станочники, фрезеровщики были на первом этаже, а техникум трудоустраиваемый металлургический – на втором этаже. Я получил аттестат отличника 7-го класса. Школьники туда шли, чтобы получить классификацию рабочих. Я зашел на второй этаж и отдал Устинову-директору техникума свои документы. Между директором школы - Ивановым и директором техникума был горячий спор. Он так и не оставил меня.

-*А что учитель школы не хотел вас отдавать. Не хотел чтобы вы в техникум шли?*

-Директор школы хотел что бы он выполнил указ горкома партии. Что бы как можно больше было «пекарей», а Устинов хотел чтобы у него было больше студентов. Я был освобожден по зрению от армии, а туда уже было трудно попасть. Так вот я проучился в техникуме и получил образование в нем, превосходящее школу. Потому что в это время приехали преподаватели, эвакуированные из Украины, Днепропетровска. Химию нам тогда читал Ляликов, академик. Но я сам, учась в этом техникуме, еще вынужден был работать в субботу и воскресенье в госпитале №5208, в Магнитогорске. Пять госпиталей. Главным хирургом во всех пяти госпиталях с 41 года был тогда мой папа. Он меня привел к себе в госпиталь, научил как работать в рентгеновском кабинете. И поскольку врачей уже никого не было, все были на фронте, я не только раненых обслуживал, но и весь город.

-*Вы окончили семилетку в каком году?*

-Второй класс в 35 году, в 40-ом году окончил семилетку. На носу война, уже в воздухе пахло порохом. И нас всех по призыву Верховных властей, школьников, отправили в трудовые резервы. В 41-ом году я уже был студентом (*родился Игорь Стефанович 6 марта 1926 года*).

-*А как Вы оказались в Магнитогорске?*

-В Магнитогорск я попал когда папа был хирургом. Так вот папу чуть не съели из-за того что он был штабс-капитаном белой армии (враг народа). Причем на него весь город молился.

-Это какой год был, когда Вы были в Магнитогорске?

-В 35-ом году мы приехали в Магнитогорск. Папа был на высоком счету. И когда он приехал и сказал, что на него пишут что он «враг народа». Ему объяснили: «больше сюда не езжай. Хочешь поехать на новостройку?». Сейчас с мамой посоветуюсь, посоветовался, поедем.

-Так это все учебные заведения Вы окончили в Магнитогорске?

-В Магнитогорске.

-А как Вы потом в Москву попали?

-В Москву я попал очень своеобразно. Я не только техникум окончил московский металлургический по специализации электрооборудование металлургических заводов, но еще и вечерний техникум музыкальный, по классу фортепьяно. Слушал на выпускном экзамене Нейгауз. Говорит мне: «Будешь в Москве, возьму тебя в свой класс в консерваторию». Но я поступил по-другому, я не стал защищать диплом техникума. У меня был белый билет. В 43 году я сдал экстерном, за десятилетку, и отправил документы в энергетический институт.

-Как, по почте отправили?

-По почте. Это был 43 год. Уже эвакуация была. Голубцова была, такая дама, жена Маленкова. И когда я в 44 году осенью приехал, защитил диплом на пятерку. Приехал, меня сразу же зачислили и Голубцова меня определила на механический факультет, а я хотел на электрофизический. Она меня обозвала «мещанином», что партия и правительство лучше знает где мне учиться.

-Так куда вас зачислили? На точную механику?

-В 44 году. Так она сказала: «Нет, будешь учиться у нас на механическом факультете, ибо я тебя отправлю в армию». Я сказал: «Отправляйте в армию». Через неделю я уже был солдатом необученным, строевым. Меня приписали к войсковой части, которая оказалась подчиненной отделу кадров НИИ-24 боеприпасов. Я там работал литейщиком, а потом работал гидротехником, смонтировал установку. Эта установка нам послужила неким секундомером. Выстрел, вылетает снарядик из канала ствола и по длине пробега, на пленке, можно сказать какая у него скорость. Не знаю, зачем это, понял только что книжки нужно читать, потому что не справишься. Были сильные ученые, был у нас руководитель Сахаров Вениамин. Значит, он был научный сотрудник Академии наук машиностроения, а второй Вениамин Вульфович Татарский - начальник лаборатории. Все к нам бегал лысый дядька и все кричал: «Что такое, что такое, что такое? Как дела, как дела? Получается?». Я не знал тогда, что это был за дядька.

-А как это организация называлась?

-НИИ-24 боеприпасов. Так вот, послали меня во Владимир в командировку, надо было подписывать командировку, я пошел ее подписывать, узнал, что тот лысый дядька был Ванников (Начальник Первого главного управления при СНК, Совете Министров СССР-В.И.).

-После НИИ-24 как вы попали в МИФИ?

-В 43 году я получил диплом за десятилетку, экстерном. Так вот меня сразу же через два дня забрали в армию. Послали на пересылочный пункт. Посмотрел меня врач, куда меня, в какую часть отправлять. Выругался, простите, матом: «Какой дурак тебя сюда приставил? Тебя надо снимать с учета!» Ну у меня и был «белый билет». «А кто тебя прислал?» Я говорю Маленкова. Кто такая? Директорша – жена Маленкова. Тогда он почесал, почесал затылок и написал мне «не годен к строевой» и отправил в войсковую часть, которая была прикреплена к НИИ-24, т.е. я оказался в распоряжении директора НИИ-24, Ванникова.

-А дальше?

-Когда это произошло, я пришел к Ванникову и сказал: «Хочу учиться!». Я хотел в университет, больше не хотел в энергетический институт, забрал оттуда документы. Меня не хотели отдавать. Когда я пришел к Ванникову, тот посмотрел на меня, позвонил. Пришел какой-то начальник из отдела кадров, орет: «Чего ты меня мучаешь?». Посмотри, видишь парень учиться хочет, оформи ему демобилизацию и как оформишь, документы ему все отдашь, если он тебе принесет справку, что он зачислен в институт боеприпасов. Вот я подумал, проучусь, а потом убегу в университет, а не получилось. Потому что вдруг через два месяца моей учебы, Александр Ильич Лейпунский организовал физический факультет.

-Это какой год был?

- В 46-том году начался первый семестр физического факультета.

-Физический или физико-технический? Как он назывался?

-Инженерно-технический. Руководил им сначала Лейпунский (46 год). Ну я и остался.

-Факультет точной механики Вы сами выбрали?

-Я посмотрел, зачем мне заниматься конструкцией. Я не хотел.

-В то время когда вы учились, что он из себя представлял? Какие-то кафедры были? Или был просто один факультет?

-Было три факультета. Я вообще в этом институте появлялся еще в 44 году, когда работал в НИИ-24. Мы возили мины, в том числе для «Катюш». Возили мы эти мины для снаряжения в институт Кирова-21, полиграфический институт и там была технологическая линия по снаряжению мин и ракет, где студенты проходили практику. Кроме того я ездил на *Пионерскую*, отвозил какую то вещь, там огромный постановочный парк, гидравлические лаборатории и по-моему те устройства, которые отслеживали полет Боинга. Это еще института не было, я работал в НИИ-24, а потом когда попал в институт там сделали поле волейбольное. На *Пионерской* гидравлические устройства всякие были.

-Все-таки, что в то время представлял из себя институт? Кафедры какие-то были?

-Я очень трудно себе представляю, потому что я проучился всего первый семестр 45 года. И со второго семестра 46 года был уже на инженерно - физическом факультете. Знаю только, что я слушал лекции по баллистике, лекции общего плана по математике и механике, т.е. физике и математике, связанными с оружием. И направленность была «боеприпасная», т.е. исследовать процессы, снимать данные для других. Разрабатывались взрывчатки и разрабатывались устройства дистанционного и капсульного взрыва.

-Вы значит группой целой сидели на занятиях?

-У нас было семь групп. Учиться было трудно. Мы приходили в перчатках и писали на газетах.

-Это был 45-ый?

-Да, февраль 45 года. Постепенно все восстанавливалось.

-Вы в общежитии жили?

-Я с удовольствием жил бы в общежитии, но меня тетя не пустила. Жил на Октябрьской, рядом с рынком.

-Читали вам преподаватели лекции? Тоже была доска, да? На доске писали? Вы писали конспекты?

-На физическом факультете было уже много преподавателей, которых было интересно слушать. Запомнился, конечно, Кикоин - очень хороший преподаватель (*Академик АН СССР*). Игорь Евгеньевич Тамм (*лауреат Нобелевской премии по физике*) тоже читал, я слушал его. Особенно я благодарен Андрею Николаевичу Тихонову.

-Игорь Стефанович, а у вас лекций каких-нибудь не осталось?

-Какие-то лекции лежат.

-Лекции Тамма, случайно не остались.

-Нет, не остались. Ивельсон (?), был такой преподаватель «Основы марксизм-ленинизма», назывался «омлет» у нас. Не читали вам такого?

-Нет, у нас такого не было.

-У нас с ним был конфликт. Он мне никак не хотел поставить по этому «Омлету» зачет и хотел подать заявление о том, чтобы меня исключили из института. Потому что я утверждал, что Карл Маркс идеолог капитализма. И что, вообще говоря, то, что мы построили по Марксу и Ленину вообще является государственным капитализмом. А злился он на меня страшно, но когда я ему показал конспекты, он мне сказал фразу: «Можете мне все это отдать?». Я ответил: «Нет, не отдам». «А у вас зачетка с собой? Давайте ее, я вам все поставлю, но об этом никому не слова». И поставил мне зачет и отлично. Я думаю, Владимир Ильич до сих пор ворочается, потому что до сих пор не может решить, кто должен управлять государством: рабочие, крестьяне или кто-то другой.

-Какие преподаватели вам еще читали лекции?

-Химик был еще, не помню, как звали. Некрасов читал еще механику. Гордон начертательную геометрию. Камышев преподавал черчение (мастер спорта по шахматам).

-Черчение или начертательная геометрия, как у Вас называлась, не помните?

-Начертательная геометрия.

-Факультет какой?

-Инженерно-физический. Очень интересные лекции были у Лейпунского, но он прочитал буквально 4-5 лекций. Они все сбегали быстро (*имеет в виду преподавателей*).

-Как назывался предмет у Лейпунского?

-Ядерные реакторы.

-А откуда ядерные реакторы? Их же тогда не было...

-Как это не было?

-Ну какой это год был 46-ой? Они только-только тогда начинались?

-Была переведена книжка Бутмана (?), из которой было ясно, что такое критическая масса. Кроме того тогда уже был реактор в Курчатовском институте. А я в 48 году там был на практике и там диплом (по пересчетным схемам подекадным, по регистрации реакторного гамма излучения), между прочим, делал. Там я познакомился впервые с Курчатовым.

-Вы знали Курчатова, да?

-Ну я потом с ним в Челябинске был. А там было очень интересное знакомство. Я делал диплом, по-моему, в 49 году. Нет сначала был на практике. Делал какую-то работу. Он мешал. Как только вечер он начинал бродить по коридору и лезет в лаборатории. И смотрит кто, где и что делает. Бородатый дед.

-Он на сколько был вас старше? Намного?

-Ну я не знал же что он Курчатов. Я работал в секторе Козодаева (?). а руководитель у меня был Мароков. Ну и был там еще Прокофьев такой. И влез какой-то дед, мешает работать, мне руку подает: «Здравствуй». Я чувствую, сейчас расспрашивать будет. Я держу пинцет на 400 В, и ему руку подаю. Он от меня отлетел, захохотал и все таки стал расспрашивать, что я делаю и как я делаю. А мне потом говорят: «Что ты сделал? Ты знаешь, кто это был? Курчатов!»

-Это мы вот уже к Вашей работе дипломной подошли, да? 49-го года?

- Я в 48-м, по-моему, был на практике. А в 49-ом или в 50-ом делал диплом. В самом начале февраля я защищался.

-Тогда получается Вы должны были быть знакомы с Лакиным, Вы чуть ли не одноклассники с ним.

-Он после меня, наверное, учился.

-Да. Потому что он 50-тый год пишет «Точная механика». Выпуск 50-того года, «Точная механика».

-Ну я перешел на физический факультет, а механика тогда еще оставалась.

-По времени получается Вы должны быть ровесники, либо у вас там небольшая разница.

-К нам на общие лекции, ходили даже сотрудники 12-го завода. Приезжали к нам учиться что такое ЯР, зачем нужен уран, графит и прочее. И Емельянов у нас был.

-Емельянов же представлял Советский Союз, ездил на всякие международные симпозиумы.

-Да, да, да. И так я очень много ребят знаю. Зельдовича я знаю (Академик АН СССР).

-Он у вас что читал?

-Нет, он у физиков читал. Но это был бабник, черт его знает какой. Привязался к нам на катке в Парке культуры: «Ребята, познакомьте меня с девушкой.- Ну как это? - Скажите, что я ваш аспирант». Он был сам аспирантом Харитона, причем Харитон ему почти всю диссертацию сделал (Академик АН СССР).

-Ну Зельдович же потом сам книги написал «Расчеты взрывов».

-О нем очень много лишнего написали, так же как и о Ландау. У меня был еще очень хороший приятель Лившиц Евгений Николаевич, он на 6 лет меня старше. Все время меня таскал на семинар Ландау. Я раза три был и сказал: «Женя, что хочешь со мной делай, я на эти скучные мероприятия ходить не буду. – Да ты только ходи, я тебе поставлю потом за него экзамен по кандидатскому минимуму.

-Потом Вы куда-то уехали?

-В Челябинск. Там жил я 3 года. А потом, когда работа была завершена, я еще поучаствовал в изготовлении контроля первой водородной. Причем мне дали Орден почета, «веселые ребята» это называлось.

-Кто тогда был руководитель в Челябинске?

- У меня был руководитель, непосредственно подчинявшийся Кузнецову Евгению Ивановичу, а руководитель в Челябинске был Музруков Борис Глебович. Главным инженером был Славский.

-Потом Славский министром стал.

-Постоянно сидели там Курчатов, сидели там два года с 49 по 51 Бочвар, Хлопин.

-Ну, вообще, вся научная элита. И Вы там кандидатскую диссертацию сделали, да?

-Нет, диссертацию я делал в НИИ-9. Был старшим инженером, занимался отработкой вместе с ребятами физических процессов.

-Это какие годы?

-Ну вот с середины 51-го по 53-ий, конец 53-го. Не помню три года. Было довольно своеобразно. Было много интересных людей.

-А потом Вы приехали обратно в НИИ-9?

-А потом мы уже по существу организовали отдел ПТК и отдел КИП и организовали военную приемку. Ну я приехал сюда к Ефиму. Ефим спросил что делать. Он тогда был замминистра.

-Это кто за Ефим?

-Славский. Вот как раз к 53 году образовалось министерство. Из ТГУ стало министерство. Я пришел, обозлился, обозвал его: «Что же ты сделал такое? Снял меня с довольствия. Я ни черта не получаю денег, не сообщил мне ничего. Ты же отвечаешь за это!». Он разозлился на меня, орал, кричал, матерился, потом куда-то звонил, потом извинился. Послал меня обратно в Челябинск. Там меня зачислили в штаб Челябинска, оплатили за счет Челябинска то, что меня не было, вернули обратно. И встал вопрос куда меня направлять. Я просился в Дубну.

-А почему в Дубну?

-Физический институт международной физики, всех ускорителей, ядерная физика и всего прочего. Ефим долго все куда-то звонил, и сказал: «Вот тебе телефон, позвони Андрею Анатольевичу, если возьмет, будешь работать в 9-ке».

-Это Бочвар?

-Да. Завенягин не мог меня пустить, потому что я был человек с документами особой важности, выше уже не бывает. И он меня не хотел отпускать никуда. И я туда приехал, меня отправили заниматься тепловыделяющими элементами.

-Это какой год был?

-53 год с 1-го ноября, по-моему, был зачислен в НИИ-9 на должность старшего инженера. И вот, с 51-го ко мне очень ревниво относился начальник 18-ой лаборатории, никак не хотел допустить к работе, но потом когда меня допустили, начали обежать, как Займовский называл «мозговой центр». Конструкторско-юридическая группа, которая обеспечивала все работы.

-Как вы оцениваете Бочвара, Займовского?

-Бочвар — это крупнейший ученый, которому нет, наверно, до сих пор равных. Интеллигентнейший человек, несмотря на очень мягкое обращение, очень жесткий, не

произнесший ни одного грубого слова. Когда он сердился, он говорил примерно так: «Знаете куда вы идете, идите туда, куда вас Займовский посылает!».

-А Займовский это был зам. Бочвара?

-Займовский был прикомандирован к Андрею Анатольевичу, он сам материаловед. Он всю жизнь занимался материалами радиационной техники. Возглавлял конструкторский центр. Он, конечно, очень своеобразный, много знающий человек, высокого уровня ученый. И от Бочвара что отличала, он никогда не брался за дело, что бы отличиться, совершенная четкость, здравость ума и никто не мог его заставить отвлечься от того задания, которое он получил. Кстати бескорыстный человек. Все свои премии он отдавал в детские дома, отчего его и бросила первая жена.

-А до какого года он руководил?

-Я могу ошибиться, это лучше посмотреть в справочнике. Привлечен он был к Курчатову, к проблеме, по-видимому, в 46. Это все документально есть в книжке.

-Как кафедра начала сотрудничать с вами?

-Юрий Владимирович, когда я пришел. Это было начало 70-х годов. Значит, возникала задача о возможных научных направлениях и студенческой деятельности, воспитание инженеров, что нужно стране. Ю.В. был очень толковый. А вы знаете, что его дочка была супругой генерала армии.

-Да, знаю.

-Кстати, Рябев (*Рябев Лев Дмитриевич, министр среднего машиностроения СССР*) когда сдавал экзамены вступительные, он сдавал на физический факультет. Я ему подсказывал в 50-ом году ответы. В 56-ом году закончил. Тогда строился наш реактор. Направленность была какая, нельзя ли кафедру приспособить к обучению инженеров? Милосердин меня попросил, не могу ли я прочитать какой-нибудь курс, связанный с принципами разработки конструкции и технологии, расчетное обеспечение по твэлам. В то время в 18 лаборатории я вел свою тематику по быстрым реакторам и еще пытались диоксидно-плутониевое топливо применить в реакторе БН-500 и БН-600. И вот, значит такой курс я прочитал, он был небольшой, но на базе этого курса появились курсы Малыгина, Набойченко, Косточка. После этого я понял, что ребята должны специализироваться по углубленным определенным разделам курса твэлов, расчеты и прочее, но инженер должен знать основу.

- Вот тут есть такой вопрос, каким должно быть высшее образование, платным или бесплатным?

- Не бывает бесплатного высшего образования и всегда оно было платным. Только вопрос был о том: кто платит и за что платит. Смысл образования только в самообразовании. Если человек не понимает, что образование есть основа, никакой профессор ему не поможет. А ежели кому нужны образованные люди, но их бывает несколько процентов. Так решает как быть тот, кому это нужно. Так вот если государству требуются образованные специалисты, так оно не только не будет просить за обучение, а

будет и доплачивать стипендии. Получается, что люди кричат и вопят, что бы не платить за обучение. Я не знаю, я понимаю так. Если государству нужны специалисты, то оно будет платить. Я государству дал больше, чем оно мне. Я говорю о чем. Вот у меня был отец. Он был из семьи добровольцев. У них было имение село Краевых, Котельнического уезда. Остался с матерью-учительницей без средств до революции. Что он делал. Пошел работать водителем, заодно штудировал за гимназию курс, выучил не только сам курс, но и работал репетитором. В результате поступил в казанский университет и в 33 года кончил его с отличием. Сначала защитил экстерном за гимназию, а потом до 18-го года на фронте хирургом работал. После этого кончил аспирантуру Вишневого. Отправили работать его в Украину, восстанавливать медицину. Вот спрашивается, кто платил за образование моего отца. Сам за себя. Дослужился до звания штабс-капитана царской армии.

-Какие вы получили награды?

-Знак почета (медаль) 54 год (первая водородная бомба), орден Трудового Красного знамени. Это было за первый ледокол "Ленин" в 60-ом году. Кроме того, много медалей: за Трудовое отличие в Великой отечественной войне; Ветеран труда, память к 850-летию Москвы 97-ой год, и другие. За участие в разработке первых реакторов подводных лодок получил Ленинскую премию в 1964 году. У меня есть несколько Государственных премий. В 1978-ом году я получил премию за участие в пуске реактора БН. В 1971 – за ИБР (импульсный быстрый реактор).

-А деньги давали тогда за премии?

-Давали на 13 человек 50 тысяч. Много было по тем временам. Я в 70-ом году тогда получал 800 рублей в месяц.

-А научные звания у Вас какие есть?

-Мне дали в 78 году звание академика Международных высших школ. В 2002 году В.В. Путин подписал "Заслуженный деятель науки". Еще у меня есть аттестаты. Мне дали аттестат профессора по кафедре КПУ. За что Бочвар меня просто обожал. Когда я принес подписать ему заявление на совместительство, он меня сказал: "А вы знаете, что такое преподавание?! Знаете куда идете? Я тебе не подпишу пока не принесете план." Я принес план, он попросил развернутый, что бы было видно, что я буду преподавать на этом курсе. Он посмотрел: "Вы представляете, что это ответственная работа?!" Бочвар тогда был заведующим кафедрой и его отец и он сам. Он крупнейший специалист в области алюминиевых сплавов, цветных металлов. В 60-ом году я стал кандидатом технических наук. Была диссертация по разработке твэлов для исследовательских и промышленных реакторов. И как не странно, в 86-ом защитил еще одну докторскую диссертацию. Диплом у меня «инженер-физик» по проектированию и эксплуатации физических приборов и установок.

На фото слева направо: Сурин В.И., Кузнецова Ирина, Кафтайлов Никита, Головнин И.С., Рябов Павел и Конова Кристина, студенты кафедры конструирования приборов и установок.